

26 декабря 1990 года ● ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД № 296 (19286) ● 3 стр.

Юрий Демич

Умер Юрий Демич. Такой уход можно назвать гибелью, ибо Юрий Демич — всегда был молод. Теперь — навсегда.

Последние два года его не было в нашем городе. Он реже стал появляться в кино (или так казалось?), и только старые телеспектакли настойчиво возвращали его в Ленинград. Все лучшее в его творчестве пережито и прожито здесь.

Фонтанка. Чернышев мост... В этих местах снимались все актеры Большого драматического театра. Демич на фотографиях улыбается, воротник плаща поднят. Он любил поднимать воротник. Даже на сцене. В памяти — шинель Женьки Тулупова из «Трех мешков сорной пшеницы». Его длинные рукава и поднятый тяжелый ворот. Демич утопа-

ет в этой шинели, голова чуть наклонена набок. Детскость взгляда готова смениться болью непонимания и яростью. Образ — воспоминание прожился актером как часть собственной жизни.

Подмостки БДТ... Они должны помнить его шаги. В затаенном чехлами зале еще должен звучать его голос. Звенящая ирония Власа в «Дачниках», крик вампиловского Пашки, летящий смех Амадея Моцарта.

Известность и зрительскую любовь ему принесло телевидение. Роль Кирилла Извекова в телесериалах по романам К. Федина «Первые радости» и «Необыкновенное лето». Но актером он стал на этой сцене.

Его часто называли современным актером. Косоворотки и джинсы шли ему больше на-

пудренных париков. Наверное, сложись иначе, он мог бы стать блистательным киноактером. Ему мешало одно — его природная мягкость. Напор, импульсивность, ярость — краски, которыми он так любил пользоваться на сцене, не могли скрыть человеческой мягкости его героя.

Его переезд в Москву не был похож на сознательный перелом судьбы. Расставание с театром было судорожным. Это не прошло бесследно для него. Где он был в последние два года? Снимался ли? Играл ли на сцене Московского Ермоловского театра — его место было по-прежнему в БДТ. Занятое им по праву, оно опустело. Сегодня — навсегда.

Вспоминают о нем хочется не шефферовским, но пушкинским словом.

«Ах, Моцарт, Моцарт...», — восклицал Пушкин.

«Прощай же», — ронял Амадей.

Прощай.